

Эсхатологический мотив «спасенные на бревне / камне»: структура и мифологические корни

Сергей Викторович Алпатов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
Доктор филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-2525-0287

Филологический факультет

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1,

МГУ имени М. В. Ломоносова,

1-й корпус гуманитарных факультетов

Тел.: +7 (495) 939-32-77, Fax: +7 (495) 939-55-96

E-mail: contact@philol.msu.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

DOI: 10.31168/2658-3356.2023.10

Аннотация. Мотив «спасенные при конце света помещаются на единственном бревне / камне» занимает в ряду эсхатологических топосов народов Евразии особое место, определяемое методами структурно-типологического и историко-культурного анализа. Привлекаемый полижанровый материал позволяет обосновать гипотезу о системном сходстве мотивов традиционной эсхатологии и этиологии, обусловленном представлениями о циклической природе космических и социальных процессов, в ходе которых вселенский механизм возвращается к началу следующего круга времен, воспроизводящему в свою очередь модель первотворения. Выявленный структурный изоморфизм эсхатологических и этиологических текстов о спасении на дереве или камне / происхождении из дерева или камня побуждает реконструировать в качестве исконной семантики исследуемого мотивного комплекса уверенность в возобновле-

нии биологической и социальной жизни при минимальных ресурсах прежнего бытия, тогда как эсхатология «осевого времени» и последующих эпох интерпретирует формулу «уцелевшие при конце света уместятся на одном бревне / камне» как трагическую констатацию необратимого угасания человеческой цивилизации.

Ключевые слова: *эсхатология, мотив, камень, бревно, фольклор Евразии*

Народные эсхатологические легенды характеризуются компактным набором стереотипных мотивов и образов со свернутой семантической структурой, достраиваемой до полноценного истолкования в зависимости от прагматического контекста. Базовый когнитивный механизм эсхатологического пророчества предполагает соотнесение «пророком» и его аудиторией симптоматических черт деградирующей современности с прецедентными феноменами апокалиптических текстов, с одной стороны, и паттернами космологических текстов, изображающих вселенную в эпоху расцвета, с другой стороны. К герменевтическим задачам, решаемым самими носителями традиции, для исследователя народной эсхатологии добавляется проблема характеристики структуры мотивов с точки зрения их синхронных (ареальных, этнокультурных и социокультурных) версий, а также стадийальных (мифопоэтических, «осевых» и современных) слоев семантики.

Из всего комплекса традиционных апокалиптических мотивов¹ объектом настоящего исследования стал топос малого числа уцелевших после глобальной катастрофы и их концентрации на бревне либо камне, имеющий библейские (третья книга Ездры) и апокрифические (вторая книга Сивиллы) корни: спасется малое число праведников, десяток горожан / двое поселян скроются в «густых рощах и расселинах скал» [Бессонов 2014, 283–284]. Детализация образности по фольклорным вариантам формулы зависит от особенностей картины мира носителей той или иной этнокультурной традиции.

¹ Потоп, голод, болезни, войны, «будут летать стальные птицы», «вся земля будет проводами опутана» и др. [см. подробнее: Громов 2003].

...В последней войне уцелеют 18 русских и 18 нерусских, сядут на одно бревно и заключат мир;

вояк только на семисаженном бревне останется;

только горсточка для разведения и останется;

тех, кто не поклонится антихристу, их немного останется, человек десять... от них начнется новый род человеческий;

Адам и Ева-то были... давно-то давно, на семисаженном древе осталось токо людей... литва-то вот, война-то... – давным-давно эта страна началась, это вот начали жить с того, с Евы-то [Бессонов 2014, 284–292].

Приведенные выше варианты реализации исследуемого топоса преимущественно охватывают Русский Север и Северо-Запад², регулярно фиксируются в Архангельской, Вологодской, Кировской, Ленинградской, Псковской областях. Существенно, что в микролокальном контексте эсхатологические универсалии привязываются к знаковому объекту природного ландшафта.

В Конёве, говорят, где-то там есть такой камень, что вот как бы лошадь. Он всё обрастает, обрастает, говорят: этот камень в землю уйдёт – и век кончится.

Говорят, какой-то там камень есть в реке ли, где ли, что вот если дойдёт такое время, что камень из воды оголится – значит, конец света будет.

И всё вот старики говорили: вот будет война, пойдёт с севера война – и вот этот Конь восстанет, и вот он остановит войну, что туда дальше она не пойдёт.

² Ср. финские параллели: «D 1451 *Пророк конца света* – Киховаухконен, Ряттякитти – предсказывает последний бой, решающую битву – происходит кровавая война – ствол в пять саженой длиной, балки плавают в крови – кровь по колено – мужчины переводятся – женщины целуют следы ног мужчин – все оставшиеся мужчины помещаются на одном единственном бревне» [Симонсуури].

У Архангела – вот ещё в революцию – там есть камень такой: вот дойдёт японец до этого святого камня, что, мол, всё – и война кончится.

Ёктыша-река через Конёво-то пробегает. На этой речке-то где-то Конь. Ну, раньше ходила, как их, легенда, что будет всемирная война, дак дойдёт до этого, до этого-то Коня-то дойдёт, и останется сколько там человек... чего-то, уместятся на одно дерево – всего солдат. Остальные все погибнут.

Старики говорили, что как останется семь солдат в Конёве, всех нас уничтожит. Какие-то солдаты сядут, семь штук, на бревне.

Будет такая война, всё нам говорили, что вот будет война дак война, останется так мало людей, что поместятся на этом камне.

У нас там есть за Каргополем, Конёво называется. Вот там есть такой камень большой. И вот на этом вот Конёве соберётся вся сила на семисажённом бревне, и больше никого не останется [Каргополье, 55–57].

Примечательно, как локальный каргопольский корпус эсхатологических мотивов варьирует образные мотивировки универсальной темы «апокалипсис завершится у центра мира»: камень зарастет (пуп земли исчезнет, время остановится) / камень оголится (преграда станет на пути потопа, хаос остановится) / «конь восстанет» (вынесет «всадников» из пучины)³ / «вся сила» поместится на камне либо бревне (уцелевшие соберутся у «латыря-камня», «мирового древа»).

Этнокультурная специфика локальных версий эсхатологических топосов становится доступной для контрастного анализа на корпусе евразийских параллелей, собранных в указателе Ю. Е. Березкина⁴ под рубриками *С7 Потоп: разрушенная преграда* и *С9 Бог помогает пережить катастрофу*, демонстрирующими

³ Ср. «Как конец света придёт, надо успеть вскочить на Конь-камень; кто успеет, тот жив после конца света останется» [Шевелев 1990, 137–138].

⁴ См.: Березкин, Дувакин.

изоморфизм эсхатологических и этиологических мотивов с ключевыми реалиями камень (гора) и бревно (ствол).

Во время потопа двадцать супружеских пар (животных-первопредков) спасаются на горе (Северные Анды. Юпа).

Птица в короне из солнечных лучей объявила, что будет потоп; велела праведнику, заживавшему в честь солнца огонь, построить дом на горе; после потопа явилась во сне, сказала, что будет столько детей, сколько плодов на пендаре; утром дерево покрылось младенцами, сосущими молоко из множества сосков (Южная Венесуэла. Пиароа).

Брат с сестрой спаслись от потопа кипятка; сестра родила белый камень, он вырос, в нем оказалось четверо младенцев. Из-за землетрясения горячие воды затопили землю; в деревянной ступке спаслись брат и сестра; сестра родила камень, тот распух, из него вышли две пары детей (Филиппины. Ифугао).

Будет потоп; старшие пары делают сундук из золота, серебра, бронзы, железа; младшая – деревянный; дождь заливает землю потопом, деревянный сундук всплывает, другие тонут; духи стрелами пробивают стоки водам; опускаясь, ковчег задерживается на сосне, каштане, бамбуке. В выдолбленном бревне спасся первопредок Du-mu (Китай, Таиланд. Мяо, Лоло).

Нарост на небесном дереве отломился и упал в реку, из него возникла женщина, приплыла к морю в лодке из листа баньяна, там сошлась с мужчиной, возникшим под действием волн из плававшего бревна. Мертвых хоронили в живом выдолбленном дереве так, чтобы выемка закрылась и заросла; в 1933 г. в Брунее было найдено дерево с тремя костяками внутри (Индонезия, Малайзия, Бруней).

В традиционном мировоззрении значительного числа народов Евразии камень рассматривается как сакральный объект, хранящий экзистенциальные ресурсы рода, дающий жизнь каждому его

представителю⁵ и обратно аккумулирующий жизненную силу по истечении положенного срока; в ряде эпических сюжетов скала предстает сперва материнской утробой, а затем гробом героя, «будто по мерке его спины сделанным» [Кызласов 1982; Демиденко 1987; Денисова 2009; Бурнаков 2013; Неклюдов 2020]. Скандинавские мифы помещают пару людей Лив и Ливтрасир после гибели мира на ствол мирового дерева, маркируя сердцевину мирового дерева одновременно как «угодьё» и источник «гнили», так что «космический ясень – мировая ось, источник изобилия, оказывается и символом конечности мира» [Белова, Петрухин 2008, 70].

Перераспределение акцента с образа первокамня / перводрева на смежные аспекты пролиферации космоса характеризует финский миф о возникновении вселенной из яйца, отложенного уткой на колено Вяйнямёйнена, который плавает по морю, как еловое бревно [Петрухин 2005, 65]. С мотивом разбивания яйца / дерева / камня / земной тверди («расшиби, государь, камень в море, дуб в поле»), изоморфным рассечению жертвы в ритуале и рассечению тела первочеловека в мифах творения, тесно ассоциированы формулы выпускания из разомкнутой земли растений, из-под камня – рыб и животных в заговорах и заклинательных текстах весеннего календарного цикла [Шиндин 1989, 82]. В том же ряду находится сюжет русской легендарной сказки СУС –795** *Червячки под камнем*⁶, принадлежащей христианизированной традиции и переносящей акцент с циклических космических процессов на промыслительные действия сакрального агента: Бог велит взять душу матери новорожденных близнецов, демонстрируя маловерному ангелу червячков под камнем, не оставленных без попечения.

Значимым семантическим компонентом обсуждаемого мотивного комплекса являются поверья о том, что при начале мира возникают великаны⁷, люди занимают середину мировой истории, а в последние времена останутся недоростки⁸. Тем самым универсаль-

⁵ Ср.: «Помимо Неба и родовых камней, откуда могли происходить души новорожденных, эмбриональными центрами являлись *Ымай тас* (букв. камень Умай), *Ымай хазың тағ* (букв. гора березы Умай)» [Бурнаков 2013, 270].

⁶ СУС, 200.

⁷ О великанах в контексте первых этапов творения мира, горного ландшафта, мирового дерева см.: Шиндин 1989, 80.

⁸ См. разделы указателя Ю. Е. Березкина Е5В. *Первопредки из нижнего мира*, F14. *Сын камня*, С38. *Скоро появятся люди*, I87Е. *Карлики после людей*.

ная идея конца света как исчерпания космических (природных, социальных, моральных и т.д.) ресурсов имеет системный «антропометрический» аспект: последние обитатели вселенной – карлики / число уцелевших будет мизерным.

Суммируя сказанное, отметим прежде всего, что сходство мотивов традиционной эсхатологии и этиологии обусловлено универсальными представлениями о циклическом принципе работы вселенского механизма, обновляющего обветшавший мир по модели первотворения в начале очередного круга времен. Выявленный структурный изоморфизм эсхатологических текстов о спасении на дереве (камне) и этиологических легенд о происхождении из дерева (камня) побуждает реконструировать в качестве исходной мифопоэтической семантики исследуемого мотивного комплекса уверенность в возобновлении биологической и социальной жизни из остатков прежнего бытия, тогда как эсхатология «осевого времени» и последующих эпох интерпретирует формулу «уцелевшие при конце света уместятся на одном бревне / камне» как трагическую констатацию необратимого угасания человеческой цивилизации.

Литература и источники

- Белова, Петрухин 2008 – Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. 280 с.
- Березкин, Дувакин – Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 20.03.2023).
- Бессонов 2014 – Бессонов И. А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.
- Бурнаков 2013 – Бурнаков В. А. Камень в мировоззрении хакасов (конец XIX – XX век) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 265–275.
- Громов 2003 – Громов Д. В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44.
- Демиденко 1987 – Демиденко Е. Л. Значение и функция общенародного образа камня // Русский фольклор. Т. 24. Этнографические истоки фольклорных явлений / под ред. В. И. Ереминой (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1987. С. 85–98.

- Денисова 2009 – *Денисова И. М.* Образы острова и камня в русской фольклорной традиции: поиски семантических истоков // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 76–92.
- Каргополье – Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М.: ОГИ, 2009. 544 с.
- Кызласов 1982 – *Кызласов И. Л.* Гора – прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. 1982. № 2. С. 83–92.
- Неклюдов 2020 – *Неклюдов С. Ю.* Логика семантических трансформаций: «стрела пастуха» и «рождение из камня» // «Нарты» и другие устные традиции. Сборник в честь 60-летия Зураба Джапуа / ред.-сост. С. О. Хаджим, Н. С. Барциц. Сухум: Абгосиздат, 2020. С. 21–39.
- Петрухин 2005 – *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 463 с.
- Симонсуури – *Симонсуури Л.* Указатель мотивов финской мифологической прозы. <https://www.ruthenia.ru/folklore/simonsuuri/> (дата обращения: 20.03.2023).
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 436 с.
- Шевелев 1990 – *Шевелев В. В.* Культ камней в Каргопольском крае // Европейский Север: История и современность. Тез. докл. Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. И. Афанасьева, Н. А. Кораблев, Л. В. Суни. Петрозаводск: Карельский науч. центр АН СССР, 1990. С. 136–138.
- Шиндин 1989 – *Шиндин С. Г.* Миф о сотворении мира и русские заговоры // Известия АН Латвийской ССР. 1989. № 10. С. 77–85.

Eschatological Motif “Saved on the Log / Stone”: Structure and Mythological Roots

Sergey Alpatov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
DSc in Philology, Associate Professor

ORCID: 0000-0003-2525-0287

Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University
1st corp. of Humanitarian Faculties, Leninskie Gory,
Moscow, GSP-1, 119991, Russia
Tel.: +7 (495) 939-32-77, Fax: +7 (495) 939-55-96
E-mail: contact@philol.msu.ru

The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University “Preservation of the world cultural and historical heritage”

DOI: 10.31168/2658-3356.2023.10

Abstract. The popular motif “People saved at the end of the time find room on a single log / stone” occupies among the Eurasian eschatological topoi a special place determined by the methods of structural-typological and historical-cultural analysis. The polygenre material allows us to support the hypothesis of the principle similarity between the traditional eschatological and etiological motives based on idea of the cyclic nature of cosmic and social processes. The revealed isomorphism of the plots about salvation on a tree (stone) / emergence from a tree (stone) help us to reconstruct the fundamental semantics of the complex – confidence in the resumption of biological and social life even by minimal resources. At the same time the eschatology of the “axial” period interprets the formula “Survivors will fit on one log / stone” as a tragic statement of the irreversible extinction of human civilization.

Keywords: *eschatology, motive, stone, log, folklore traditions of Eurasia*

References

- Belova, O. V., and V. Ya. Petrukhin, 2008, *Fol'klor i knizhnost': Mif i istoricheskie realii* [Folklore and Literature: Myth and Historical Realities]. Moscow, Nauka, 280.
- Bessonov, I. A., 2014, *Russkaia narodnaia eskhatologiya: istoriia i sovremennost'* [Russian folk eschatology: history and modernity]. Moscow, Gnozis, 336.
- Burnakov, V. A., 2013, *Kamen' v mirovozzrenii khakasov (konets 19 – 20 vek)* [A stone in the worldview of the Khakass (end of the 19th – 20th centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya*, 12, 265–275.
- Gromov, D.V., 2003, *Fol'klornye teksty o “raneshnei” Biblii* [Folk texts about the “old” Bible]. *Zhivaia starina*, 1, 42–44.
- Demidenko, E. L., 1987, *Znachenie i funktsiia obshchepol'klornogo obraza kamnia* [The meaning and function of the general folklore image of the stone]. *Russkii fol'klor. 24, Etnograficheskie istoki fol'klornykh iavlenii* [Russian folklore. Ethnographic origins of folklore phenomena], ed. V. I. Eremina, 85–98. Leningrad, Nauka, 224.

- Denisova, I. M., 2009, *Obrazy ostrova i kamnia v russkoi fol'klornoj traditsii: poiski semanticheskikh istokov* [Images of an island and a stone in the Russian folklore tradition: the search for semantic origins]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5, 76–92.
- Kyzlasov, I. L., 1982, Gora – praroditel'nitsa v fol'klоре khakasov [Mountain – the progenitor in the folklore of the Khakas]. *Sovetskaia etnografiia*, 2, 83–92.
- Nekliudov, S. Iu., 2020, Logika semanticheskikh transformatsii: “strela pastukha” i “rozhdenie iz kamnia” [Logic of Semantic Transformations: “Shepherd’s Arrow” and “Birth from Stone”]. “Narty” i drugie ustnye traditsii. *Sbornik v chest' 60-letiiia Zuraba Dzhapua* [“Narts” and other oral traditions. Collection in honor of the 60th anniversary of Zurab Dzhapua], eds. S. O. Khadzhim and N. S. Bartsits, 21–39, Sukhum: Abgosizdat, 576.
- Shevelev, V. V., 1990, Kul't kamnei v Kargopol'skom krae [The cult of stones in the Kargopol region]. *Evropeiskii Sever: Istorii i sovremennost'* [European North: history and modernity], eds. A. I. Afanas'eva, N. A. Korablev and L. V. Suni, 136–138. Petrozavodsk, Karelskii nauch. tsentr AN SSSR, 166.
- Shindin, S. G., 1989, Mif o sotvorenii mira i russkie zagovory [The myth of the creation of the world and Russian spells]. *Izvestiia AN Latviiskoi SSR*, 10, 77–85.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2023 г.